

63.529(253.3)

К

Г70

Городков Б.Н.

Краткий очерк населения
Крайнего северо-востока
Западной Сибири

Москва, 1926

568 | 10

78 1927 057

ЭВМ

Планний очерк поселення крайнього сходу-востока западної Сибіри.

8

К. Н. Корень

h579-3

Музей Академии Наук СССР
Институт Физико-Математических Наук
Москва

78

63.529(253.3)

K 720

---

m96

Краткий очерк населения крайнего северо-востока Западной Сибири.

(Из материалов Западно-Сибирской экспедиции Академии Наук и Русского Географического Общества.)

Б. Н. Городков.

В 1923 г. на северо-востоке обширной Западно-Сибирской равнины работала экспедиция Академии Наук и Русского Географического Общества.¹ Ее задачей было общее географическое изучение страны в пределах бассейна рр. Агана и Пура. На р. Агане все лето антрополого-этнографическими исследованиями занималась участница экспедиции Р. П. Митусова, а для остального района нами собирались лишь попутно сведения о быте и численности населения. Наши краткие данные, конечно, не могут равняться со специальными исследованиями Р. П. Митусовой в 1923 г., а также позднее, в 1924 — 1925 гг., в этих же областях, но мы считаем все-таки желательным их опубликование, так как более крупная и обстоятельная работа Р. П. Митусовой, вероятно, будет напечатана еще не скоро.² Довольно большая статья, освещающая этнографические особенности самоедов низовьев Пура, опубликована де Доббелером,³ поэтому мы здесь обращаем главное внимание лишь на те вопросы, которые или мало затронуты названным путешественником, или являются новыми по сравнению с 1884 г.

¹ Б. Н. Городков. Западно-Сибирская экспедиция Российской Академии Наук и Русского Географического Общества. «Природа». 1924 г., № 7 — 12, стр. 3 — 32.

² Статистические материалы Р. П. Митусовой частично (бюджеты остяков и самоедов) обработаны и опубликованы в кн. «Материалы по бюджетам крестьянских, самоедских и остяцких хозяйств». Статистика Урала. Труды Уральск. Областн. Статистич. Бюро. сер. V, т. I. Свердловск (1925), стр. 104 — 137.

³ Von de Dobbeler. Die Samojeden. Globus, XLIX (1886), №№ 11 — 14.

Исследованный край населен следующими народностями: самоедами-юраками, остяками и русскими. Наиболее многочисленны из них самоеды, занимающие территорию окрестностей Тазовской губы вплоть до Ёнисея, весь бассейн Пура и большую часть обширного Обско-Тазовского водораздела. Они распадаются на три группы: низовых самоедов (хасово), тундровых, или просто тундру (вын-хасово), и лесных, или пян-хасово. Последние особенно отличаются как своим языком, так и образом жизни.

Первые две группы представляют собою типичных жителей тундры. Низовые самоеды (юраки) кочуют в пределах лесотундры, а вын-хасово проводят летнее время в Гыданской тундре и на Обско-Тазовском полуострове, а зимой кочуют частью между Тазовской губой и Обдорском по пути к последнему пункту, частью направляются к Ёнисею. В Обдорске они прежде сдавали ясак и закупали все необходимое во время январской ярмарки. Впрочем, в последние годы перед революцией тундровые самоеды часто не доходили до Обдорска, посылая туда с ясаком старшин, сами же останавливались в Ныде, Норе (при устье Надыма) и в Хэ, куда выезжали с товарами купцы.¹ Путь зимнего кочевания самоедов Обско-Тазовского полуострова проходит через Обскую губу на Хэ и Обдорск, а гыданские самоеды идут через Тазовскую губу у Ямбура и низовья Таза и Пура частью на Сургут, частью на Обдорск. Раньше они ходили в Сургут, пока в Обдорске была запрещена торговля вином. Дороги на Сургут пролегают вначале вдоль низовьев Пура. До р. Танловой, притоку Надыма, в пределах лесотундры самоеды движутся различными путями, далее же придерживаются одной дороги, так как приходится пользоваться издавна существующими просеками в лесах. Этот путь, которым ходят и жители низовьев Пура и Таза, является лишь зимней дорогой, прокладываемой преимущественно по безлесным болотам и по озерам. На лесистых участках она имеет вид узких просек. В 1922 г. «тундра» совсем не ходила в Обдорск, а оставалась в низовьях Пура и Таза, так как к западу от этих рек свирепствовала оспа. Иногда обычный путь кочеваний изменялся и по менее серьезным причинам. Во время нашего пребывания в низовьях Пура зимой 1923 г. прошел среди гыданских самоедов слух, что в Хальмер-седе (Тазовская контора Обь-Иртышского Облгосрыбпрома) самоедов мобилизуют для подавления восстания на юге. Кочевники, дойдя до Тазовской губы у Ямбура, остановились и не решались двинуться дальше, пока не выяснилась ложность

¹ В последние годы гыданские самоеды стали направляться, главным образом, на Ёнисей, где они получают товары по более дешевым ценам, чем в Тазовских факториях Облгосрыбпрома и куда им ближе чем в Обдорск.

этой молвы, возникшей в результате празднования Октябрьской революции в Хальмер-седе с торжественными процессиями и салютом из ружей.

По рассказам, некоторые самоедские семьи остаются и на зиму на побережье Ледовитого моря. Сначала они отправляются вместе со всеми к югу, но, пройдя немного, часть чумов возвращается обратно. Это делается для того, чтобы освободиться от волков, идущих за стадами. Зимующие на побережье пользуются для топлива плавником. Кочующие к югу имущество обыкновенно везут с собой, опасаясь покраж, или прячут. Рыбу сохраняют от зверей в ямах.

Главное занятие тундровых самоедов — оленеводство и пушной промысел, в незначительной степени они занимаются также рыбной ловлей. Среди них имеются владельцы крупных стад, достигающих 5000—7000 голов. Однако, падежи последних лет, особенно 1922 г., сильно уменьшили это число. В зависимости от условий пастбы тундровые олени отличаются от пуровских. Первые никогда не бывают упитанными, а, значит, и хорошими ездовыми. Это зависит от того, что в Гыданской тундре нет богатых пастбищ, каковые обыкновенны южнее. Желая приобрести хороших ездовых оленей, тундровые самоеды иногда обменивают своих оленей на пуровских.

Из пушных зверей по количеству добычи первое место занимает песец. Осенью, перед отправлением на юг, самоеды настораживают песцовые слопцы, которые ставятся в большом числе по всей тундре. В среднем, на чум приходится около 100 штук. Самый слопец представляет две доски с бревном сверху, внутри насторожка с прищипкой (рыба, мясо, птица и др.). По возвращении лесной, из слопцов вынимается добыча, которая состоит из наиболее ценного зверя — взрослого зимнего песца. Осенью добывают также много песца, но уже дающего менее ценную шкуру: это так называемый крестоватик (осенний песец), снйак и недопесок (более поздний осенний). Крестоватика, как и песца, иногда стреляют из ружья, но чаще ловят осенью близ нор в капканы и ямы. Последние способы добычи приносят большой ущерб пушному промыслу, так как при этом истребляется малоценный и молодой зверь в огромном количестве. В свое время Обдорской Инородческой Управой поднимался вопрос о запрещении бить крестоватика, но этому противились местные скупщики пушнины. Дело в том, что богатые самоеды, продавая целиком свой промысел крестоватика, не отдают всего добытого белого песца. Отделив нужное количество, обыкновенно незначительное, остального песца складывают в нарту, укушоривают и хранят как капитал, добавляя и заменяя прежние запасы ежегодно. Песец покупается даже на оленей у малооленных самоедов.

В случае падежа владелец песца имеет возможность купить новое стадо по расценке — два песца за оленя. Торговцы боялись, что по запрещении бить крестоватика самоеды будут доставлять мало пушнины, значительная часть которой поступала именно в виде крестоватика. Повидимому, этими же соображениями руководствовались и послереволюционные торговые организации. Такие расчеты не выдерживают критики, так как при отсутствии крестоватика самоеды должны будут поневоле выбрасывать на рынок больше белого песца, чтобы закупить необходимое количество товаров. Между тем выгоднее получить хотя бы и меньше песца, но ценным сортом его, имеющим спрос за границей, чем крестоватиком, потребляемым исключительно на внутреннем рынке. Запрещение бить крестоватика поднимает не только общую ценность добываемых ежегодно самоедами мехов, но и значительно увеличивает количество зверя. Это станет ясным, если мы вспомним, что чум самоедов добывает нормально в год от 50 до 150 голов крестоватика (по другим сведениям даже до 500 штук), и что стоимость белого песца в 8—10 раз выше крестоватика. Впрочем, общее количество добываемого зверя должно упасть, так как промысел разбежавшегося по тундре зимнего песца несравненно труднее, чем крестоватика, еще не вышедшего из нор. Обычная добыча белого песца на чум нечислится в 20—30 штук в год. Кроме песца и крестоватика, добывается еще дикий олень и в незначительном количестве белый медведь, лисица, тюлень. Некоторый доход дает также сбор мамонтовой кости.

Рыбная ловля производится в многочисленных озерах и речках тундры небольшими неводами (до 50 саж.) и сетями. Особенно славится своим обилием р. Мясó, правый приток Тазовской губы. Добывается преимущественно пыжьян, щокур и сырок. Зимой, приходя в низовья Пура и Таза, самоеды тундры покупают у местных жителей и торговых организаций для еды мороженую рыбу, муку и пр., выменивая ее на пушнину, оленей и продукты оленеводства. В 1922 г. Тазовская контора Облгосрыбпрома продала таким образом весь свой запас мороженой рыбы. Самоеды даже предпочитают делать закупки рыбы у русских, так как их собратья, в большинстве случаев беднота, забирают у них много в кредит и плохо выплачивают затем свои долги.

Установить число гыданских самоедов совершенно невозможно. Основываясь на рассказах местных жителей, мы принимаем его приблизительно равным 3000 человек.

Менее значительно по количеству население низовьев рр. Пура и Таза (хасово). Здесь мы можем дать уже более точные цифры для 1923 г., руководствуясь сведениями контор Облгосрыбпрома в Ивай-сале (низовья

Пура) и Хальмер-седе (низовья Таза). В упомянутом году все самоеды, рыбаки и малооленные, были прикреплены к названным конторам, куда они обязаны были сдавать свой улов и откуда они получали продуктовой паек (норма). В конторе Ивай-сале велся точный учет всех получающих паек и их семей. По этим данным здесь насчитывается всего 171 мужчина, 128 женщины и 200 детей. Путем опроса местных жителей мы также установили число самоедов, не бравших паек. Это были более зажиточные оленеводы, занимавшиеся рыбной ловлей в малой степени лишь для себя. Их насчитывается всего 9 мужчин, 13 женщины и 14 детей. Таким образом, общее число жителей-самоедов в низовьях Пура составляет 525 человек (180 мужчин, 141 женщина и 214 детей). Они принадлежат к следующим родам: Сегой, Харпчи, Тер, Яр, Нейвосята (из нин-хасово), Салиндер (Хаби), Адер, Худи, Няч, Ненянг, Воры. Значительно хуже обстоит дело с подсчетом самоедского населения низовьев р. Таза. В Тазовской конторе мы могли получить сведения лишь о числе глав семейств, входящих в артели и получающих норму на семью. Их оказалось 247 человек, да 21 человек были причислены к сдатчику Облгосрыбпрома М. Подилову. Первое число не учитывает взрослых мужчин, хотя и входящих в артель, но не заключивших на свое имя договора. По соображениям местной администрации, всего взрослых мужчин-самоедов на Тазу, вероятно, около 400 человек. Исходя из этой цифры, мы можем принять общее число самоедов для Таза около 1000—1200 человек.

Область кочевий низовых самоедов Пура и Таза принадлежит лесотундре между названными реками и ближайшим окрестностям к востоку от них. Здесь они пасут своих оленей в летнее время. К западу от Пура кочуют уже самоеды из Хэ, с низовьев Надыма, Обско-Тазовского полуострова и др. Ранее в этом районе кочевали и пуровские самоеды, но в последние годы оставили по той причине, что пастбища сильно выбиты и выгорели. Возникновение пожаров приписывают молнии, но, вернее, огонь распространился от зажженных пастухами болот. Это делается для получения дыма, в котором олени спасаются от комаров. В сухое время пожар легко распространяется по лишайниковому ковру и при недосмотре выжпгает большие пространства.

Близ реки оседают и тундровые самоеды, когда падеж лишает их оленей, и они не в состоянии снова оправиться, не имея пушнины или других средств для покупки нового стада. Вероятно, самоедское население на Пуре и Тазе в значительной мере и образовалось из этих бедняков, которые кормятся от русских. До прихода последних самоеды, потерявшие оленей, оставались при стадах имущих в качестве работников.

Им поручалась пастьба стада и промысла, за что они пользовались средствами передвижения, пищен, подержанной одеждой и частью пушнины. Таких работников много и в настоящее время.

Граница кочевий самоедов проходит вверх по Нуру лишь немного южнее р. Таута-яга, далее значительное пространство отделяет их от пин-хасово. Низовья р. Таза самоеды населяют до часовни, ниже ее километров на 60 они живут совместно с тазовскими остяками. На водоразделе Таза и Нура самоеды летом кочуют также недалеко, в бассейне правых притоков Нура — Нады-сале-хадыте, Хотта-хадыте, двух Ярьяга и левых притоков Таза — Нуны-яга, Сямботта, Хай-яга. В комарное время (июль) оленей держат в приречных лесах, где они легче спасаются от насекомых, обтираясь в густых кустарниках. Когда комаров и слепней становится меньше, стада выходят на водораздельные болота и тундры, богатые пастбищами. Здесь оленей уже приходится пасти, так как они легко разбегаются, спасаясь от комаров или поедая грибы, во множестве растущие повсюду.

Низовые самоеды могут быть разделены на две группы по характеру своего быта. Одна из них, менее значительная, занимается преимущественно оленеводством и охотой. Это — наиболее богатые хозяева, кочующие самостоятельно со своими оленями и промышляющие песца и в меньшей степени лисицу и белку. Рыбным промыслом они занимаются мало, предпочтя покупать рыбу. Число оленей, принадлежащих им, невелико; среди них нет таких богачей, как в тундре; можно насчитать всего 4 человек, которые имеют стада от 1500 до 500 голов. Большинство насчитывает меньшее количество, едва доходящее до сотни. Другая группа более прикреплена к рекам — Нуру или Тазу, так как в нее входят безоленные и владельцы маленьких стад в несколько десятков оленей, не могущих прокормить своих хозяев. Их основное занятие — рыбная ловля. Весной они соединяются группами в несколько человек (до 10), нанимают пастуха также из малооленных самоедов и поручают ему свои стада, которые тот и пасет в течение лета в северной части водораздела Пур — Таз, переходя с ними с места на место по мере истребления корма. Таких пастухов на Нуру насчитывается всего 7 — 8 человек. За пастьбу пастух получает незначительную плату юрком и другой рыбой. Русские обыкновенно уплачивают по 1 р. с головы скота. К началу ноября пастух пригоняет оленей к Нуру, где их разбирают хозяева и пасут поблизости от реки. Затем часть владельцев отправляется в Сургут или Обдорск. Охота на пушных зверей имеет меньшее значение для мало- и безоленных самоедов; они добывают калканами и ружьем лишь немного песца (не более 10 штук, чаще штук 5), лисицы,

белки, горноста́я, росомахи и другого зверя. Белка промышляется во время переезда в Сургут и обратно. В иные годы она появляется и в лесах и кустарниках лесотундры вплоть до Тазовской губы. Зато куропатки и зайцы, которых множество в тундре, составляют чуть ли не главную пищу самоедов-бедняков с января месяца до весны. Существует поверье, что куропатку грех ловить в первую половину зимы, когда еще имеются запасы рыбы, добытой до наступления замора. Вероятно, этой же беспечностью дикарей к устройству запасов объясняется и другое поверье, по которому нельзя осенью вить веревки для сетей, так как это делается весной перед самым началом промысла. Кости куропатки не бросают собакам, но закапывают в землю или уносят подальше от чума. Для добычи этой птицы ставятся силки (такие же, какие употребляются в лесной зоне на тетеревов и глухарей) и петли (пленки), приманкой служат ветви кустарников с почками. Зайцев ловят капканами, помещая их на тропы. Большое значение для самоедов имеет охота на дикого (отчасти и одичавшего) оленя, в погоне за которым пастухи с каждым годом продвигаются со своими стадами все далее и далее к югу на водоразделе Таз — Нур по мере того, как выбивают его. В течение сезона один охотник добывает обыкновенно от 2 до 10 оленей. В теплое время мясо их сохраняют впрок, вяля на воздухе, как и сало. Шкура дикого оленя и его кости отличаются большей крепостью по сравнению с домашним, почему они употребляются для изготовления упряжи. Впрочем, для последней цели всегда предпочитается яловая кожа русской выделки. С диким оленем связаны некоторые обычаи и обряды, как, напр., объединенные кости его нельзя бросать где-нибудь, но следует отвезти на место добычи. Шкурой с черепом и рогами покрываются «святые» нарты с домашними богами и наиболее ценными вещами. Оленя стреляют из ружья весной и осенью в то время, когда он подходит к стадам, или выслеживают его на лыжах. При скрадывании употребляют доску с нарезками, забитыми снегом, которую подвигают перед собой на маленьких лыжах. Надо удивляться ловкости охотников, вооруженных преимущественно кремневыми ружьями. Пистонные и, особенно, центральные ружья встречаются редко. Самоеды, как и другие туземцы описываемого края, предпочитают кремневки за их дешевизну и прочность. Они почти не требуют ухода и служат десятки лет. В последние годы стало трудно доставать кремень, который скоро изнашивается. Мы не описываем известное большинству устройство этих старинной системы ружей. Заметим только, что приклад как самоеды, так и пин-хасово с остяками делают иной формы, чем русские. Он приспособлен для того, чтобы не упираться в плечо, а класть сверху. Ружья употребляются лишь для

стрельбы зверя, на птицу жалеют боевые припасы. За революционное время, когда стало трудно доставать порох и свинец, снова в большей степени начали пользоваться луком для промысла белки. Охотой с ружьем на птицу и вообще промыслом на гусей и уток в большом масштабе занимаются лишь тазовские самоеды. Они употребляют для этой цели невода, стоня в озерах с помощью собак линяющую летом птицу. Изредка и на Пура ловят таким образом гуся, чаще же его бьют из лука, иногда ставят капканы.

Вскрытие низовьев Пура и Таза происходит около середины июня. Замор¹ кончается раньше, как только начнут вливаться в реку свежие, талые воды. В это же время река начинает оживать: первой появляется щука, затем сырок и щокур. При раннем подъеме воды рыба идет еще подо льдом. По сходе льда начинается общий «вонзь», т.-е. продвижение рыбы из Тазовской губы в реки, при чем последним появляется осетр. Осенью, перед началом замора, наблюдается обратная последовательность в скате рыбы. Прежде всех уходит наиболее чувствительный к порче воды осетр, затем сплывают щокур, муксун, нельма, а под конец пыжьян, есидай (какая-то морфа пыжьяна), хонка (морфа щокура) и остальная рыба (щука, налим, ерш). С окончанием замора, еще при льде, в устьях разлившихся речек ставят сети. К этому времени малооленные самоеды подходят к реке. Пески в низовьях еще залиты водой, за исключением немногих, поэтому вонзевой промысел неводом сосредоточивается преимущественно выше избы Шеймина, между ней и устьем небольшой долиной речки Сампорки. Выше не промышляют. Для неводьбы образуются артели в 4—5 человек. Вонзевой промысел в прежнее время в низовьях Таза давал около 100 пуд. соленой и сухой рыбы на артель, теперь же (в 1922—1923 гг.) добыча редко превышает 50—60 п. за недостатком орудий лова. По мере спада воды, что продолжается нормально до середины, конца июля, обнажаются пески в низовьях Пура и Таза. Неводчики (артели) спускаются ниже по реке до самых устьев и Тазовской губы и начинают промышлять неводами на песках. Вблизи некоторых песков, в прежнее время арендовавшихся русскими, построены рыболовные станки, куда артели сдавали для соли рыбы. Наиболее ценные сорта, идущие в продажу морожеными (осетр), помещаются в «сады» — небольшие долинные озера поблизости от места

¹ Порча воды зимой в реках Западно-Сибирской равнины, зависящая от поглощения кислорода органическими веществами и железистыми соединениями, выносимыми из торфяных болот. См. Е. Ф. Киселева. Известия Института Исследования Сибири, № 2. Труды Ест.-Истор. Отдела, № 1. Томск (1920), стр. 15—28; П. Г. Борисов. Рыбное Хозяйство, II (1923) стр. 47—113.

лова, куда живая рыба доставляется или непосредственно, или в подсадках устроенных из продырявленных лодок. Осенью, когда озера покрываются льдом, рыба вылавливается неводом и замораживается. Летом ставят также сети в озерных устьях, загораживают деревянными запорами реки и около них неводят. Это — наиболее важный период промысла. В устьях Таза он прежде давал до 200 п. всякой рыбы на артели неводчиков, в 1923 г. добывалось всего 50 — 60 п. На р. Тазе осенью, перед заморозом, ставят «падалы» — сети, укрепленные поперек реки на кольях, вбитых в дно. На Пуре падалы почти не дают добычи, почему и употребляются лишь отдельными лицами (русский Горопчин). Для ловли осетра иногда ставят самоловы, которые особенно употреблялись русскими в прежнее время. В середине октября Пур и Таза покрываются льдом. Тотчас же начинается лов рыбы подледными сетями, что продолжается до самого замора, т.-е. до конца ноября. Для этой цели во льду пробиваются луны поперек течения реки, в них ставятся жерди с натянутыми между ними сетями, которые могут выбираться через луны. Рыба, добытая подледными сетями, замораживается и употребляется в свежем виде.

Важным подспорьем для низовых самоедов служит перевозка кладов и людей как на местах, так и в Сургут и по направлению к Обдорску. Главными грузами являются мука и рыба, перекидываемые местными торгово-промышленными заведениями на Тазе и Пуре. Прежде торговцы везли много рыбы и пушнины в Сургут и товары обратно также на оленях самоедов, за время революции этот транспорт прекратился, но теперь понемногу начинает восстанавливаться. Так как небольшие лески в окрестностях Пура и Таза с каждым годом вырубаются все более и более и почти совершенно исчезли близ Ивай-сале и Хальмер-седе, дрова приходится подвозить издалека на оленях. Пока не налажен сплав дров по рекам, заготовка и доставка дров лежит на самоедах, принося им довольно значительный заработок.

Как мы видели, оленеводство на Пуре и Тазе для большинства туземцев не служит основным занятием. Однако, благосостояние и богатство самоеда оценивается количеством оленей или песцовых шкур, ему принадлежавших. Богатый оленевод, живущий при стаде, всегда кормится им. На оленей он покупает все необходимые товары и пищевые продукты, от них же он имеет мясо и шкуры. Косвенно олени способствуют и успеху его звериного промысла, так как позволяют ему удалиться от реки и промысливать в богатых зверем местах. Заветная мечта каждого малооленного самоеда — увеличить свое стадо настолько, чтобы не нуждаться в трудной рыбной ловле. Однако, многие причины мешают

нормальному приращению стад. Наиболее губительны для них падежи («валек») от эпидемических болезней, уничтожающие оленей тысячами и превращающие в несколько дней богача в бедняка. Особенно большие падежи случились в 1902 и 1922 гг. в тундре к с.-в. от Таза. Кроме того, почти ежегодно то тот, то другой оленевод лишается части своих оленей. Падежи особенно вредны для оленей, пасущихся в тундре под наблюдением пастухов в стадах зиму и лето. Меньший вред они причиняют в лесотундре нижнего Нура и Таза, где нет больших стад. В лесах среднего и верхнего Нура повальные падежи неизвестны, несмотря на то, что у некоторых ин-хасово и остяков имеются большие стада. Причина этого лежит не только в особенностях страны, но и в том, что жители верхнего Нура отпускают летом оленей пастись на свободе. Большую дань платят оленеводы также волкам. В крупных стадах в некоторые годы волки режут по несколько сот голов. Любопытно, что самоеды почти не истребляют волков, считая это грехом. Многие уверены даже, что нападение волка «к счастью». Лишь изредка ставят капканы или добывают зверя из нор в молодом состоянии. Некоторые русские в прежнее время, когда легко было достать стрихнин, травили волков в довольно значительном количестве. Иногда осенью, после выпадения снега, случается дождь, от которого образуется гололедица на пастбищах. Олени не могут разбить копытами корку льда из промокшего снега и массами гибнут от голода.

На быте самоедов мы не останавливаемся, так как у нас для этого немного данных, да и описывался он не раз. Отметим только некоторые изменения, в первое время после революции. К советской власти самоеды, как и прочие местные туземцы, сначала относились отрицательно, считая ее причиной всех недостатков и лишений, которые терпели в недавнее время. Этому недовольству еще способствовала частичная реквизиция пушнины у богатых самоедов в 1921 г. и репрессии по отношению местных торговцев, с которыми самоеды привыкли иметь дело. Однако, аннулирование прав богатых вотчинников, сдававших ранее в аренду рыболовике угодья, не возбудило никакого противодействия и, повидимому, пришлось по вкусу большинству самоедов-рыбаков. Нам рассказывали, что часть самоедской бедноты была не прочь поделить оленьи стада богачей, но не нашлось организаторов этого дела. Неурядица во время гражданской войны сказалась на самоедах довольно значительно. Их одежда стала делаться исключительно из оленьих шкур, русские рубахи почти исчезли; стало потребляться мало муки, чаю, масла и других привозных продуктов. Отсутствие мережи для сетей и неводов сильно уменьшило количество добываемой рыбы, что

отразилось на торговле. Возвись реквизиция оленей и пушнины заставила отказаться от поездок зимой в Сургут и Обдорек, как это водилось прежде. Имело отрицательное значение также и то, что в этих селениях до 1923 г. было очень мало товаров. Впрочем, в 1924 г. нормальная жизнь начала восстанавливаться, как это мы могли наблюдать на Сургутской ярмарке. Обесценение бумажных денег почти совершенно прекратило денежные расчеты среди самоедов (то же следует сказать и про других туземцев).

Остановимся также на взаимоотношениях между самоедами и Тазовской конторой Облгосрыбпрома. До Октябрьской революции в районе Тазовской губы работали две крупных рыбопромышленные фирмы — Плотникова и Нижне-Обского Товарищества, конкурировавшие между собой. Они собирали рыбу от самоедов, покупая у них так называемые «подушевода». Самоедская артель неводчиков с зимы получала бесплатно бродни и рукавицы, известное количество денег, мережи для невода, муку и другие продукты. За это они должны были, независимо от улова, предоставить безвозмездно половину добычи с 1 июля по 1 сентября ст. ст., а остальная рыба принималась по условленной цене. В большинстве случаев под эту рыбу еще ранее брался товар. Для того, чтобы самоеды не уходились от невыгодной для них сделки, названные фирмы откупали у вятчинников рыболовные угодья и таким образом получали возможность не допускать самоедов на них. Взаимная конкуренция Плотниковых и Нижне-Обского Товарищества несколько повысила цену на подушевода в последнее время. После Октябрьской революции все рыболовные угодья отошли к Облгосрыбпрому, который стал снабжать самоедов и русских товарами за счет улова из своих контор на Тазе (Хальмер-седе — районная контора) и на Пуре (Ивай-сале). Промышленники должны были сдавать весь свой улов с 1 июля до 1 сентября ст. ст. по установленной цене в Облгосрыбпром, а после этого срока получали право ловить исключительно для себя. В 1922—1923 гг. рыба принималась по цене 1 р. 50 к. за пуд свежего пыжьяна, 2 р. 50 к. за пуд среднего щокура, 3 р. за пуд муксуна и т. д.¹ Соответственно цены на товары были: 4 р. 50 к. за пуд муки, 75 к. за фунт табака, песок 1 сорт — 18 р., крестоватик — 1 р. 20 к. и пр. Участники артелей и их семьи с момента заключения договора

¹ Сведения о ценах на рыбу в 1913 г. на промыслах Нижне-Обского Товарищества в Тазовской губе и общее описание постановки дела смотри у R. Pohle. Beiträge zur Kenntnis der westsibirischen Tiefebene. Zeitschr. d. Gesellschaft für Erdkunde zu Berlin (1918). № 1 — 2, S. 31 — 32.

The text on this page is extremely faint and illegible. It appears to be a list or a series of entries, possibly related to a historical or scientific record. The content is too light to transcribe accurately.

(лихой) получали до конца летнего сезона так называемую норму продуктов (заяк) в количестве 1 п. 20 ф. муки (при недостатке дополнялась рыбой) и 1¹/₂ ф. табаку на каждого взрослого мужчину, 30 ф. муки на женщину и 10 — 15 ф. на ребенка. Эти цифры несколько колебались в зависимости от запасов продуктов. Для удобства, частичная приемка свежей рыбы и юрка (сушеная рыба) производилась несколькими организаторами артелей из местных русских, которые делали засол, вели книги и выдавали норму. По окончании промыслов высчитывалась стоимость доставленной рыбы и выплачивалась товарами с зачетом пайка. По обычаю, большинство самоедов старались забирать возможно больше в кредит, не особенно заботясь об уплате долга. В результате, при несоответствии расценки товаров и рыбы, лишь редкий неводчик оказывался не в долгу. Особенно это было справедливо для 1923 г., когда многие самоеды не оправдали даже стоимости нормы благодаря плохому лову рыбы. Кроме того, и малое количество товаров, доставленных на Нура и Таза, не позволило снабжать в достаточной мере промышленников. Вообще, следует сказать, что при недостатке каких-либо товаров на Тобольском севере всегда страдает рыболов, так как все лучшее приобретается для богатых нушинной оленеводов, доставляющих более ценный и ходкий товар, по сравнению с рыбой. В Тазовских факториях наиболее желанными гостями всегда являлись тыванские оленеводы. Для того, чтобы показать, насколько ничтожным бывает доход рыбака-самоеда, приведем количество рыбы, добытое в сезон 1923 г. в низовьях Таза одной из средних артелей: муксуна — 34 п., недомуксуна — 25 п., крупного колезня — 18 п., среднего — 21 п., мелкого — 33 п., щуки — 17 п., осетра различного около 4 п.¹ Не лишним также будет привести и средний запрос артели (один невод) на материалы для орудий лова в течение сезона: 2-перстной мережи — 30 саж., машинной 3-перстной — 113 саж., 4-перстной — 66 саж., машинной 2-перстной — 20 саж., машинной 5-перстной — 20 саж., кибасных веревок — 300 штук, ниток неводных — 4 ф., мочала — 1 п., в пользование на время лодку.

По рассказам русских, живущих на Нура и Таза с давних пор, в последнее десятилетие наблюдается значительное уменьшение рыбы. Несмотря на распространение лучших орудий лова, количество добытой рыбы далеко не достигает уловов прежних годов. Это обеднение рек ставят в связь с появлением в устьях Нура и Таза моторных

¹ Недомуксунок, колезень — возрастные разности муксуна. При расценке к ним причисляются остальные породы рыб: щокур, пыжьян, нельма. В низовьях Таза и Нура главный предмет промысла составляют щокур и пыжьян. Первый расценивается как муксун, второй ниже.

The text on this page is extremely faint and illegible. It appears to be a scanned document with significant fading or low contrast. The content is mostly unrecognizable, though some faint outlines of text are visible. There is a small dark mark on the right edge of the page.

двигателей, работавших у Плотниковых и Нижне-Обского Товарищества и перешедших к Облгосрыбпрому. Стук их машин и нефть отпугивают рыбу, почему она в меньшем количестве заходит в реки. Уменьшению захода рыбы в Тур и Таз способствует будто бы также и то, что в последние годы сильно обмелели их устья и почему-то реже стала появляться в Тазовской губе белуха, загоняющая рыбу. В Тазовской губе промысла не ухудшились. В прежние годы средний улов артели (невода) давал около 75 ящиков (по 5 — 5^{1/2} п.) соленой рыбы, теперь же средний улов считают в 25 ящиков. Общее уменьшение добычи также произошло и после перехода промысла в руки государства: Плотников и Нижне-Обское Товарищество вывозили в сумме около 30 000 п. рыбы, а Облгосрыбпром вывозил в годы обследования 10 000 — 15 000 п.

О существовании на р. Надыме какого-то народа (няхсамарях), отличного от самоедов и остяков, первые сведения были получены от А. П. Иacobия, проехавшего по названной реке в 1894 г. Позднейшие авторы¹ часто упоминали со слов Иacobия² о названном народе и о пян-хасово, иногда сомневаясь вообще в его существовании или отождествляя его с отдельными группами самоедов и остяков. На основании как литературы, так и личных наблюдений мы считаем окончательно установленным, что няхсам-ор-яг (чищенные самоеды — по-остяцки) и пян-хасово (лесной народ — по-самоедски) — это названия одной и той же ветви самоедов-юраков, так называемых лесных самоедов (лесных юраков по К. Дониеру).³ Их язык (несколько наречий), резко отделившийся Иacobием от самоедского, действительно настолько отличается от последнего, что самоеды не понимают или понимают лишь частично пян-хасово. Однако, корни языка пян-хасово и словообразование самоедские, как и многие общие слова. Любопытно, что низовые самоеды считают пян-хасово особым народом. Сами пян-хасово называют себя пешен, т.-е. мужчины, народ. Остяки Агана именуют их ярран-яг — самоеды.

¹ См., напр., А. А. Дунин-Горкавич. Тобольский Север. СПб. I (1904), стр. 119; В. П. Семенов-Тянь-Шанский. Россия. СПб. XVI (1907), стр. 265; В. М. Житков. Полуостров Ямал. Зап. Имп. Русск. Географ. Общ. по общ. географии. XLIX (1913), стр. 249—251; Г. М. Дмитриев-Садовников. Ежегодн. Тобольск. Губернск. Музея, XXIX (1919), стр. 25, 30 и др.

² Где было опубликовано сообщение Иacobия о няхсамарях — нам неизвестно. Ссылки на его статью в Тобольск. Епархиальн. Ведомостях (1895 г., отд. неофиц., №№ 7—8, 10—12) неправильны. Там нет никаких сведений об интересующем нас вопросе.

³ Kai Donner. Bland Samojeder i Sibirien. Helsingfors (1915).

The first part of the document discusses the general principles of the system. It outlines the objectives and the scope of the project. The second part describes the methodology used in the study, including the data collection and analysis techniques. The third part presents the results of the study, and the fourth part discusses the conclusions and the implications of the findings.

The methodology section details the experimental design and the procedures followed. It includes information about the participants, the materials used, and the data collection methods. The results section provides a comprehensive overview of the findings, including statistical analyses and graphical representations. The conclusions section summarizes the key findings and discusses their significance in the context of the research.

The final part of the document discusses the limitations of the study and suggests directions for future research. It also includes a list of references and an appendix with additional data and figures. The document is intended to provide a clear and concise overview of the research project and its findings.

Пян-хасово населяют обширное пространство верховьев Надыма, р. Лими, Пазым, северные притоки Агана — Каван и Вар-яун, р. Часальку (приток Таза) и, главным образом, систему р. Пура. Мало-доступная для исследования и почти никем не посещавшаяся до 1923 г. их страна способствовала тому, что до последнего времени мы имели о них ничтожные сведения. Русское население, с которым пян-хасово сталкивались в Сургуте, мало отличало их от других самоедов, под этим же именем они числятся и официально. Не в пример остяцкому и самоедскому языкам, язык пян-хасово был известен лишь двум, трем торговцам в Сургуте, имевшим с ними дела. Даже живущие поблизости от них туземцы его не знают, так как немногочисленные по количеству душ пян-хасово предпочитают при своих сношениях пользоваться более распространенными остяцким или самоедским языками. По рассказам, некоторые из них знакомы и с русским языком, но нам таких встречать не приходилось. Возможно, что это и скрывалось от нас.

Пян-хасово делятся на немногие роды. А. А. Дунин-Горкавич¹ называет их всего 6 ватаг, но имена этих ватаг не совпадают с известными нам (за исключением Еушитта). На р. Пуре, Часальке, притоках Агана и в верховьях Надыма, по нашим сведениям, живут представители 5 родов: Няк, населяющие почти весь Обско-Тазовский водораздел и, особенно, верховья Пура и его притока Няку-Цётл; Нейвосята, обитающие по всему среднему и верхнему Пуру; Выла, в небольшом числе также живущие по Пуру и Часальке; Иуши и Ехтат, сосредоточивающиеся, главным образом, на северных притоках Агана и в верховьях Пура. Отдельные представители рода Нейвосята, совершенно осамоеднившиеся и забывшие свой язык, попадаются на нижнем Пуру среди юраков. Об их происхождении говорит только родовое имя и память о переселении. Некоторые юраки имеют жен из пян-хасово и обратно. Изоляции пян-хасово от юраков способствует то, что они кочуют преимущественно на болотах лесной зоны, тогда как стада юраков пасутся в лесотундре на севере водораздела Таз — Пур, углубляясь далеко к югу. Пян-хасово, живущие близко к низовьям Пура (р. Ево-яга), обыкновенно в начале зимы приезжают к юракам и русским за покупкой муки, табаку, варки, юрка и прочих продуктов. Расплачиваются за все белкой и оленями. Торговля ведется, конечно, в значительной мере в кредит, в долг же дают пян-хасово и оленей нуждающимся самоедам. В прежние годы эти ближайшие пян-хасово приезжали для рыбной ловли на р. Тап-яга, но в последнее время они

¹ Дунин-Горкавич, I. с., стр. 117.

перестали являться, опасаясь оспы, распространившейся среди юраков. Реку Таз пян-хасово посещают только при своих кочевках для торговли в Янов стап на Турухане и на становище Содельникова. Пян-хасово Кавана и Вар-яун, повидимому, пришли с Пура, так как аганские остяки до сих пор считают, что названные реки относятся к их вотчинам. Остяки также мало сообщаются с пян-хасово, хотя среди них имеется один (А. Сартаков), который живет на Вар-яун и прекрасно говорит на языке пян-хасово. Изолированность и разбросанность пян-хасово спасает их до известной степени от широкого распространения эпидемических болезней и тем самым от вымирания. Однако, на Верхнем Пуре, близ р. Таай-яга, все-таки мы наткнулись в 1923 г. на больных оспой из рода Выла. Живущие выше по реке пян-хасово избегали сношений с ними, опасаясь заразы. О других очагах эпидемических болезней мы ничего не слышали, вероятно, их и не было.

Общее число пян-хасово, обвтающих огромное пространство всего Обско-Тазовского водораздела, ничтожно. Мы считаем его равным, приблизительно, 600 человекам. Эта цифра основана на сведениях Финансового Отдела Сургутского Неподкома в 1923 г. о количестве охотников (мужчин - промышленников), обложенных ясаком. По этим данным, наиболее многочисленен род Пяк, насчитывающий 74 охотника, меньше Нейвосята — 53 охотника, еще меньше Иушия на р. Каване — 20 охотников и Выла — 10 охотников. Отдельные семьи обыкновенно кочуют в определенных местностях, иногда почти не встречаясь с соседями, но это не исключает возможности переселения: так, напр., на р. Пуре мы встретили самоеда с Кавана. О появлении Нейвосята в низовьях Пура мы уже упоминали. Во время своего путешествия 1923 г. мы встречали население вблизи следующих притоков Верхнего Пура (Пётл): р. Ёту-яга и, вообще, верховьев Пура, р. Верхней. Катучней-яга, р. Таай-яга, р. Косомы-яга, р. Тытлп-яга. На Большом Пуре населены окрестности р. Катвней-яга, р. Таай-яга (близ устья Пяку-Пётл), р. Ево-яга. Проезжая зимой мимо оз. Пяку-то, мы видели следы стойбищ кочующих здесь Пяков, а в Сургуте мы встретили жителей с правых притоков р. Пяку-Пётл и с Часальки.

Пян-хасово, подобно юракам Пура, полукочевой народ, но постоянное пребывание в лесу наложило свой отпечаток на их быт. Лето застают пян-хасово Верхнего Пура и притоков Агана близ реки, куда они выходят для ловли рыбы. При устьях рек и стариц устраиваются запоры из жердей с отверстиями для морд. Особенно много запоров ставят пян-хасово Кавана. Когда же обнажатся от воды береговые пески, начинается неводьба. Невода небольшие, не превышающие

The first part of the document discusses the importance of maintaining accurate records of all transactions. It emphasizes that every entry should be supported by a valid receipt or invoice, and that these documents should be stored in a secure and accessible location. The text also mentions the need for regular audits to ensure the integrity of the financial data.

In the second section, the author outlines the various methods used for data collection and analysis. This includes both manual and automated techniques, as well as the use of specialized software tools. The importance of data quality and the need for thorough validation are highlighted throughout this section.

The third part of the document focuses on the implementation of internal controls to prevent fraud and errors. It details the roles and responsibilities of different departments and individuals, as well as the specific procedures that must be followed to ensure compliance with relevant regulations and standards.

Finally, the document concludes with a summary of the key findings and recommendations. It stresses the need for ongoing monitoring and improvement of the financial reporting process, and encourages the adoption of best practices to enhance transparency and accountability.

50 саж. Место для неводьбы выбирается обыкновенно близ выхода старицы, где кормится обыкновенно много рыбы. Поэтому летние и осенние стойбища находятся поблизости от таких мест, где можно или ставить забор, или неводить рыбу, или делать и то и другое. Кроме того, стойбища должны быть удобны для пастьбы оленей и не заливаться полыми водами. Такие места выбрать не легко, почему стойбища имеют постоянный характер. Если близ реки нет удобных пастбищ, часть семьи живет с оленями на болотах, а другие ставят чумы прямо на берегу и занимаются неводьбой. Это особенно распространено на среднем течении Нура, где долина широка, а материк редко подходит к реке. Впрочем, и на таких небольших реках, как Каван, пян-хасово часто змеют, кроме чумов при оленях, еще отдельные чумы на неводных песках. Летние стойбища располагаются на незаливаемом водой краю коренного берега долины (материк), чаще всего в некотором удалении от реки (1½ — 2 км), поблизости от удобной для промысла речки, старицы или протоки. Чтобы избавиться от комаров, лес кругом вырубается на некотором протяжении, остаются только отдельные деревья. Земля всегда сильно выбита оленями, повсюду голый песок, развеваемый ветром, выступает наружу. Пян-хасово Кавана и верховья Нура обыкновенно ставят на своих летних (весенних, осенних) стойбищах два-три амбара на столбах. Постройка одинакова с остяцкой, только сделана она менее тщательно. В амбарах хранятся мука, пушнина, сухая рыба и прочие запасы. Под амбарами помещаются нарты и различные хозяйственные вещи. Нарты рядами стоят и поблизости от амбаров. На своих стойбищах пян-хасово живут в берестяных чумах. Покрывающие их куски бересты (киска) делаются гораздо тщательнее, чем у остяков, которые живут летом в избах и не нуждаются в прочных покрывках. Остяки делают киски в один слой бересты, пян-хасово шивают два, а юраки даже три и четыре слоя проваренной в воде бересты, отчего такая киска крепка и не ломка. В отличие от юраков, нуждающихся в дереве, пян-хасово не перевозят с места на место жерди основы чума, но обыкновенно оставляют их на стойбищах. На одном стойбище часто ставят несколько чумов (2 — 4), принадлежащих разным семьям. Вокруг чумов привязаны собаки, бродят олени. Тут же устраиваются вешала для сушки рыбы, огороженные от скота жердями. Костры с таганами, на которых висят котлы, дополняют картину. В чумах почти пусто, так как различный скарб хранится в амбарах. Внутри чума постланы ветви и олени шкуры для сиденья и спанья. Тут же прикреплены свернутые днем полога от комаров лежит различная посуда и другие вещи. Впрочем у многих пян-хасово

пологов нет из-за дороговизны материи. Посреди чума в огороженном небольшими досками пространстве горит огонь. Он поддерживается для дыма от комаров и для приготовления пиши в дождливое время. В ветреную погоду насекомых почти нет па стойбищах, благодаря открытому месту. Зимних жилищ южных пян-хасово нам видеть не приходилось. На севере они ставят зимой чумы, крытые оленьими югами, т. е. ничем не отличаются в этом отношении от остальных самоедов.

Главную пищу в летнее время составляет рыба, которая употребляется как в сыром, так и в вареном виде. Про запас и для продажи в Сургут рыба (щука, язь) сушится на воздухе, а из внутренностей вытапливается жир. Для дневного потребления и для пропитания в дороге летом часто ловится щука на деревянные крючки, вырезанные из ветки с сучком. Они привязываются к веревке, сплетенной из коры тальника или корней кедра; на другой конец прикрепляется большой деревянный поплавок кеглеобразной формы. Сквозь спину маленькой рыбки-приманки продевается эта веревка с крючком, который прячется внутри. В расщели палки, воткнутой наклонно где-нибудь близ берега старицы, веревка вставляется так, чтобы рыба с крючком держалась в отвесном положении. Щука, проглотившая приманку, срывает веревку с расщела, но поплавок мешает ей далеко уйти и помогает найти добычу рыболову. Аганские остяки также ловят этим способом щук, но юраки низовьев Нура, пренебрегающие щукой, благодаря обилию более хорошей рыбы, его не знают. Мясо домашних оленей потребляется в большом количестве лишь более зажиточными оленеводами. Его едят преимущественно в сыром виде, но часть всегда варится. Там, где водится много диких оленей, их усердно промышляют. Добыча достигает иногда значительной цифры 30 — 40 штук в год. Зимой мясо хранится в мороженом виде до весны, когда остатки вялят на воздухе. Довольно важный пищевой продукт, кроме рыбного и оленьего мяса, составляет хлеб. Муку покупают преимущественно в Сургуте, при чем не выезжающие на ярмарку малооленные хозяева приобретают ее, как и другие товары, втридорога у своих более зажиточных соотечественников. Из муки делают пресные лепешки, которые поджаривают непосредственно на жару костра или на рыбьем жире в котлах. Трудность добывания муки в годы гражданской войны сильно сократила и так небольшое ее потребление. То же следует сказать и относительно кирпичного чая. Соль почти не употребляется; наши спутники пян-хасово в 1923 г. брали ее у нас изредка, чтобы солить чай. В летнее время важным дополнением к столу служат

ягоды, главным образом, морошка. Собирают также голубицу, чернику и бруснику. Ягоды едят как сырыми, так и вареными. Еще большее значение, чем мука, для пян-хасово имеет табак. Они мало курят его, но кладут за нижнюю губу, затыкая сверху тонкими древесными стружками. Для этой цели листовая табак сушится, толчется в мелкий порошок, смачивается водой и смешивается с золой трутовика (плодовые тела различных древеснистых *Polyporus*). Полученная черная масса сохраняется в табакерках.

На Верхнем Пура (Пегла) мы встречаем множество стариц, богатых рыбой, почему стойбища туземцев близ реки весьма обычны. На среднем течении Пура таких удобных мест меньше, реже встречаются и пян-хасово на берегах. На большом протяжении средний Пура пустынен, мало даже следов человеческого жилья близ него. Изредка попадется несколько чумов на береговом песке. Большинство ничтожного населения находится в стороне, занимаясь пастьбой оленей на материковых болотах. Для рыбной ловли оно выходит на реку лишь частично. В 1923 г. из-за плохого промысла было особенно мало народа на Пура. Кроме того, вообще, пян-хасово среднего течения по преимуществу оленеводы и охотники и менее занимаются рыболовством. Обширные безлесные болота служат им пастьбищами. Летние (осенние) стойбища оленеводов не имеют такого постоянного характера, как это мы **видим** у пян-хасово Верхнего Пура: у них нет амбаров, но имущество оставляется или упакованным на нартах, или в больших берестяных коробах на подставках. Во многом пян-хасово среднего Пура сходны с юраками, между тем как обитатели верховьев этой реки и притоков Агана по своему быту приближаются уже к остякам, типичным жителям леса. Отличия между теми и другими пян-хасово хорошо выступают еще в способе летней пастьбы оленей. Верховые пян-хасово предоставляют летом оленям большую свободу, занимаясь сами рыболовством. Олени бродят повсюду в окрестностях летнего стойбища. Долинные леса и кустарники в верховьях Пура настолько вытоптаны многочисленными оленями Пяков, что напоминают деревенские покотины где-нибудь близ Тобольска. Множество оленьих троп пересекает и сосновые боры материка. Плывая по реке, мы повсюду встречали оленей, которые убегали, завидя нас. Ниже, по Верхнему Пуру, они попадались на берегах реже. На среднем же Пура мы встречали только диких оленей, так как здесь стада уже пасутся под присмотром на болотах и редко выходят на берег. В комарное время, впрочем, и здесь малооленные хозяева надевают на ноги оленям особые деревянные колодки, как и более южные туземцы, чтобы скот далеко не уходил.

The text on this page is extremely faint and illegible. It appears to be a standard page of prose, possibly a letter or a report, but the content cannot be discerned. The page number '1' is visible in the top right corner.

Осенью начинается охотничий промысел, к которому в полной мере приступают по окончании подледной рыбной ловли сетями с наступлением замора. Наиболее важный промысловый зверь пян-хасово — белка, в меньшем количестве добывают горностаю, лисицу и дикого оленя, еще реже медведя, росомаху, выдру. Попадаетея и песок, особенно на севере. Лисица давится слопцами, поставленными на ножках для предохранения от заваливания снегом. Лисица также часто выкапывают из нор и воспитывают на цепи или в особых деревянных садках. Белку стреляют из ружья, обыкновенно кремневого. Из птиц наибольшее значение имеют глухарь и тетерев, на которых по Верхнему Пуру осенью настораживают в борах множество слопцов. Ниже по Пуру, где лесная птица исчезает, занимаются промыслом куропатки. Водяная птица (утка, гусь, лебедь) промышляется луком преимущественно в период ливьки. Из ружья птицу стреляют очень редко.

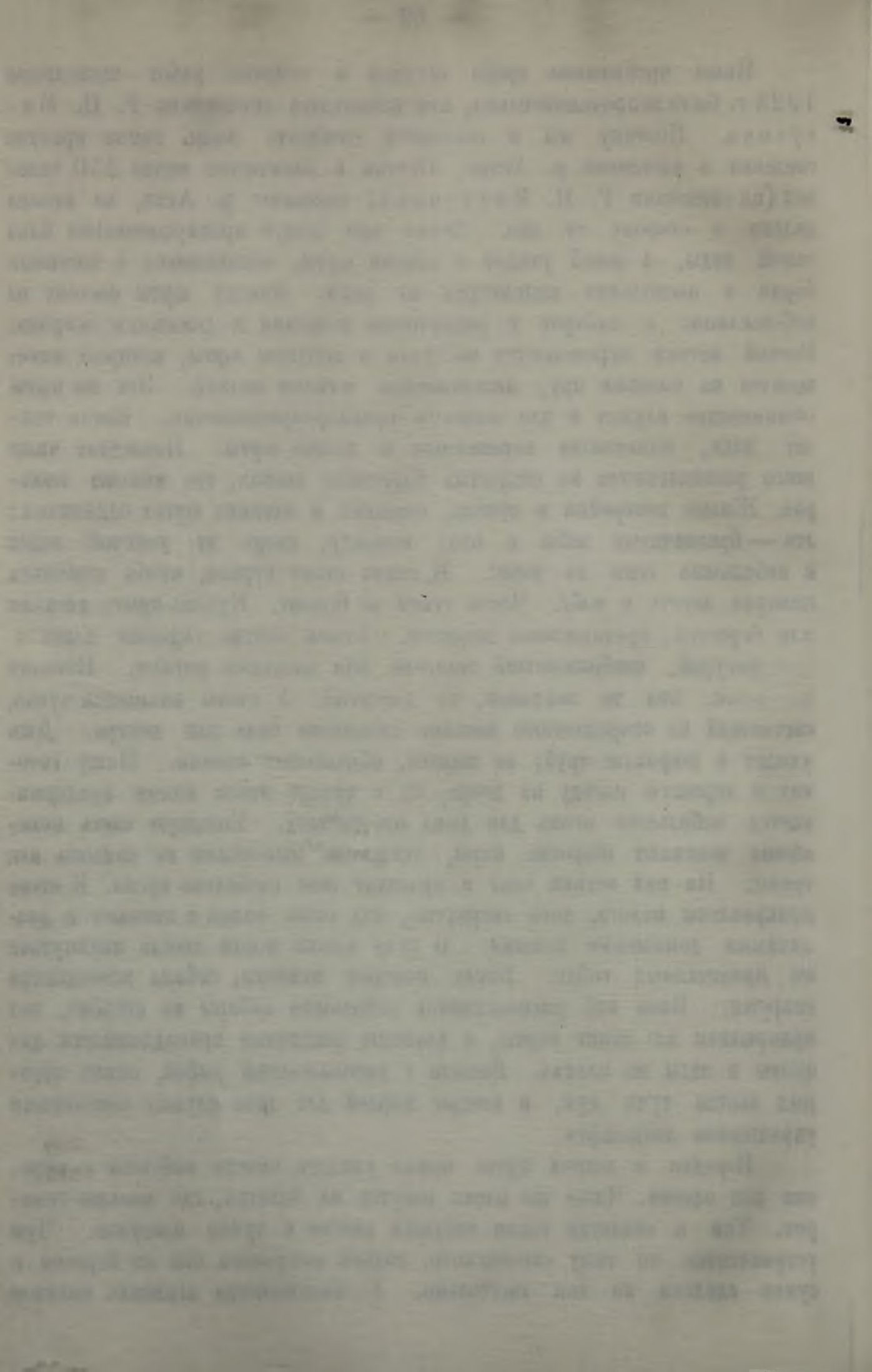
Для передвижения по рекам пян-хасово делают долбленные и разведенные лодки (обласа) из кедра. На Верхнем Пуру, где река узка и защищена от ветра береговыми лесами, обласа очень малы. Они имеют всего около 3 метров длины и едва вмещают одного человека с несколькими пудами багажа. Чрезвычайно малая прочность таких лодок с их стенками толщиной всего в 1 — 1½ см искупается их легкостью. Поддев с помощью веревки нос лодки за весло, положенное на плечо, туземец свободно таскает ее через волока, сокращая путь по извилистой реке. В разлив мелко-сидящий облас позволяет пробираться по залитым лесам и болотам долины. Для таких путешествий по мелким водам весла делаются с тупым концом, чтобы легче было грести и подталкиваться по дну. При неводьбе связывают два обласа помощью жердей, на которые и кладут невод. На среднем течении Пура, где река шире, и волнение на ней бывает значительное, лодки уже крупнее. Они вмещают двух, трех человек с багажом. Сбитых из досок лодок пян-хасово не делают, мы видели на Верхнем Пуру всего одну такую лодку.

Живя в лесах и имея постоянные летние (осенние) стойбища близ реки, пян-хасово при своих кочевках часто принуждены пользоваться определенными дорогами, особенно в долине Пура, заросшей густой чащей. Эти дороги хорошо заметны в сосновых борах в виде троп, выбитых оленями и наезженых полозьями нарт, в долинных лесах они представляют узкие просеки. Раз пришлось даже видеть на дороге от стойбища к месту неводьбы небольшой мостик из жердей через речку. Для езды одинаково зимой и летом употребляют оленей, запрягая их по 2 — 4 в нарту обычным самоедским способом.

The text on this page is extremely faint and illegible. It appears to be a standard page of prose, possibly a letter or a report, but the characters are too light to be accurately transcribed. The layout consists of several paragraphs of text, with some lines appearing to be indented. There is a small dark mark or smudge on the right side of the page, approximately one-third of the way down.

Наше пребывание среди остяков в течение работ экспедиции 1923 г. было непродолжительно, ими занималась специально Р. П. Мигусова. Поэтому мы в состоянии сообщить лишь самые краткие сведения о населении р. Агана. Остяки в количестве около 250 человек (по сведениям Р. П. Мигусовой) населяют р. Аган, не отходя далеко в сторону от нее. Летом они живут преимущественно близ самой воды, а зимой уходят в зимние юрты, находящиеся в сосновых борах в нескольких километрах от реки. Зимние юрты состоят из изб-землянок и амбаров с различными запасами и домашним скотом. Весной остяки переселяются на Аган в весенние юрты, которые помещаются на высоком яру, незаливаемом полыми водами. Эти же юрты обыкновенно служат и для осеннего времяпрепровождения. Когда спадет вода, начинается переселение в летние юрты. Последние чаще всего располагаются на открытых береговых песках, где меньше комаров. Жилые постройки в летних, весенних и осенних юртах одинаковы: это — бревенчатые избы в одну комнату, дверь из которой ведет в небольшие сени из досок. В сенях стоит курево, чтобы помешать комарам лететь в избу. Часто сени не бывает. Крыша крыта досками или берестой, придавленной жердями. Конек иногда украшен деревянной фигурой, изображающей тетерева, или оленьими рогами. Потолок из досок, пол то земляной, то досчатый. У стены находится чумал, состоящий из огороженного досками глиняного пола для костра. Дым уходит в широкую трубу из жердей, обмазанных глиной. Пищу готовят в хорошую погоду на дворе, но в чумале почти всегда поддерживается небольшой огонь для дыма от комаров. Большую часть помещения занимают широкие нары, устланные цыновками из камыша или травы. На них остяки спят и проводят свое свободное время. К стене прикреплены полога, днем свернутые, над ними полки с иконами и различными домашними вещами. В углу можно почти всегда наткнуться на привязанных собак. Когда комаров немного, собаки помещаются снаружи. Близ изб располагаются небольшие амбары на столбах, под прикрытием их стоят нарты, и сложены различные принадлежности для охоты и езды на оленях. Вешала с распластанной рыбой, около которых вьется туча мух, и костры жердей для дров служат неизменным украшением ландшафта.

Изредка в летних юртах можно увидеть низкие избышки с курево для оленей. Чаще же олени пасутся на болотах, где меньше комаров. Там и ставится такая избышка вместе с чумом пастухов. Чум устраивается по типу самоедского, только покрывка его из бересты и сукна сделана не так тщательно. У большинства аганских остяков

есть олени, но их очень немного: редкий хозяин насчитывает два-три десятка. Лишь Касымкины, живущие на верхнем Агане, более богаты. Их родственники настоящие оленеводы и имеют, по рассказам, до 5000 оленей, которые несколькими стадами пасутся на водоразделе в верховьях Нура, Таза и северных притоков Агана и Ваха. Эти Касымкины ведут торговлю с остяками и пян-хасово, скупая у них пушнину. В последние годы Касымкины перестали выходить для закупки хлеба и товаров на Сургут и на Вах, но ходят для торговли на Турухан. В зимнее время остяки пользуются оленями для езды, летом же последние бродят на свободе. Немногочисленные остяцкие олени, находящиеся большую часть времени при людях и прикармливаемые из рук, более ручны, чем самоедские. Они несколько крупнее тундровых оленей. Способ запряжки и езды одинаков с самоедским, но собиране стада в кучу при переездах иное, чем на севере. Между тем как юраки и пян-хасово сгоняют оленей криком с помощью собак, остяки приманивают их чем-нибудь съедобным. Первый способ применяется и остяками, когда им приходится иметь дело с большими стадами.

У большинства самоедов оленеводство и охота составляют основное занятие, остяки же большее значение придают рыбной ловле и охоте. Рыбный промысел начинается по спаде воды, когда на речках и старицах ставят запоры. До этого промышляют лишь в заливах реки сетями и деревянными крючками щук. После того как пески обнажатся от воды, начинается неводьба. Рыба, добываемая на Агане, невысокого качества, это, главным образом, щука, окунь и язь. Впрок она заготавливается сушкой на открытом воздухе. Полученный продукт в прежнее время покупался торговцами, которые или сами отправлялись на Аган, или покупали у остяков по приезду их в Сургут. Торговля велась, конечно, в кредит. В 1923 г. рыбные промысла на Агане и на средней Оби сильно пали, так как рыба не находила сбыта, продавалась только пушнина. Это отразилось в первую очередь на туземной бедноте, главный источник дохода которой лежал в рыболовстве.

Основной промысловой зверь на Агане — белка. Довольно много добывается также лисицы, немного медведя, выдры, росомахи, горностая и др. Охота на белку, по преимуществу с кремневыми ружьями, производится в лесах на водоразделе Колик-егана, притока Ваха Агана и к югу от последнего. На Нуrowsкой водораздел не ходят, предоставляя охоту там пян-хасово Кавана и Вар-яун. На лисицу ставят ловцы, состоящие из продолговатого ящика из жердей, открытого сверху и с двух узких сторон. Он стоит на ножках, и забраться в него зверю помогают жерди, прислоненные к открытым

The first part of the document discusses the general principles of the organization and its objectives. It outlines the mission statement and the goals that the organization aims to achieve. The text is written in a formal and professional tone, reflecting the nature of the document.

The second part of the document provides a detailed overview of the organization's structure and the roles of its various departments. It describes the hierarchy of the organization and the responsibilities of each department. This section is crucial for understanding how the organization operates and how its different parts contribute to its overall success.

The third part of the document discusses the organization's financial situation and its budget. It provides a breakdown of the organization's income and expenses, and explains how the budget is allocated across different areas. This information is essential for stakeholders to understand the organization's financial health and its ability to sustain its operations.

The fourth part of the document focuses on the organization's human resources and its workforce. It discusses the organization's recruitment process, its employee benefits, and its training and development programs. This section highlights the organization's commitment to its employees and its efforts to attract and retain top talent.

The fifth and final part of the document provides a summary of the organization's achievements and its future prospects. It reflects on the organization's progress over the past year and outlines its plans for the future. This section is designed to inspire confidence in the organization's leadership and its ability to overcome challenges and achieve its long-term goals.

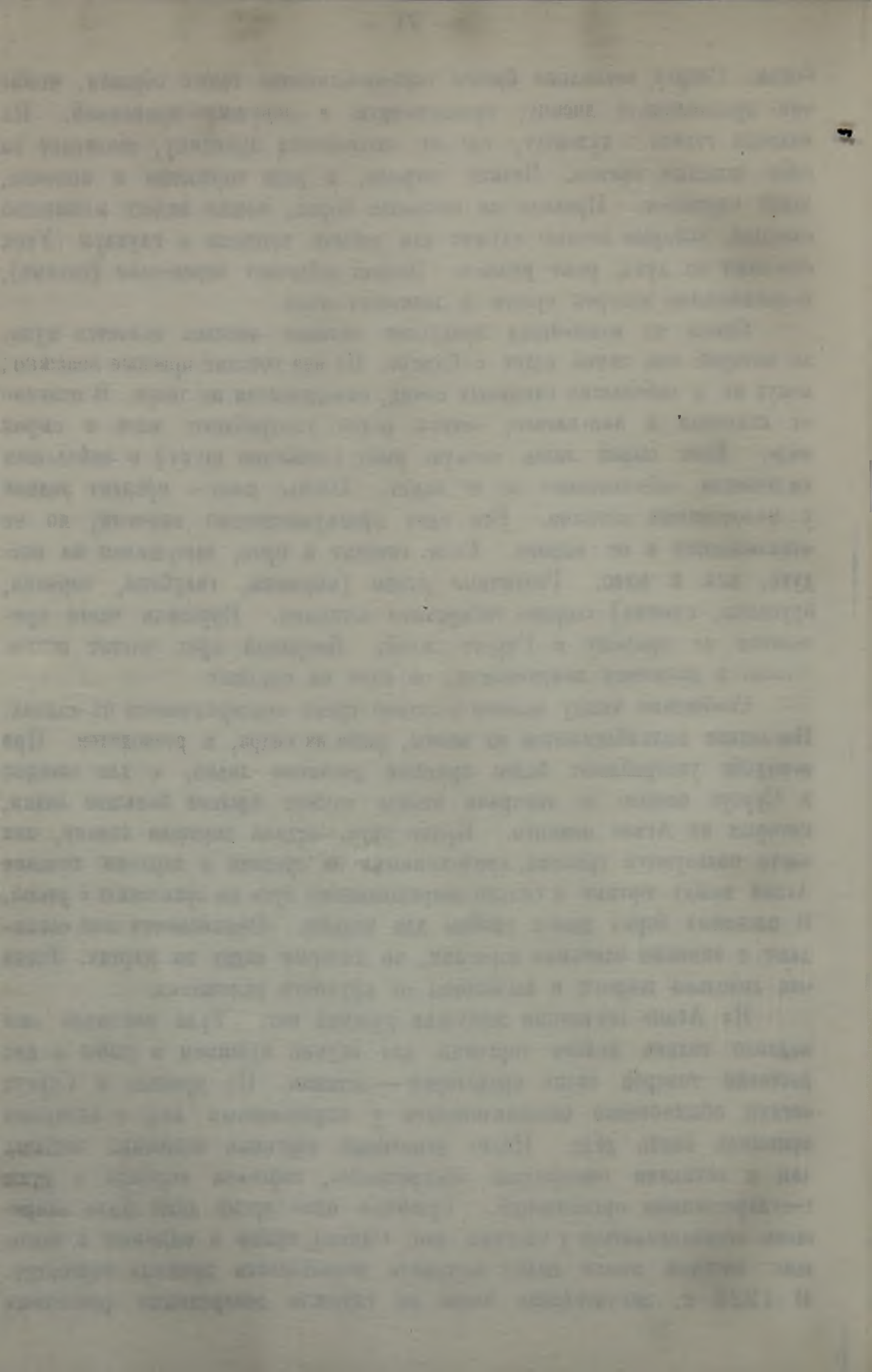

бокам. Сверху несколько бревен настораживаются таким образом, чтобы они придавливали лицевую, привлеченную в ловушку приманкой. На медведя ставят «кулемы», где он, вытаскивая приманку, сваливает на себя тяжелые бревна. Мелких зверьков, в роде горноста и колонка, ловят чирканом. Проходя по сосновым борам, можно видеть множество слопцов, которые осенью служат для добычи тетерева и глухаря. Уток стреляют из лука, реже ружьем. Весной добывают перевесами (сетями), поднимаемыми поперек просек в долинных лесах.

Одним из важнейших продуктов питания остяков является мука, за которой они зимой ездят в Сургут. Из нее готовят пресные лепешки; пекут их в небольших глиняных печах, находящихся на дворе. В отличие от самоедов и ин-хасово, остяки редко употребляют мясо в сыром виде. Едят сырой лишь свежую рыбу (особенно шукку) в небольшом количестве, обыкновенно же ее варят. Оленье мясо — продукт редкий у малоолучных остяков. Его едят преимущественно вареным, но не отказываются и от сырого. Сало готовят в прок, высушивая на воздухе, как и мясо. Различные ягоды (морозика, голубица, черника, брусника, клюква) усердно собираются остяками. Брусника часто привозится на продажу в Сургут зимой. Кедровый орех чистят поздно осенью в долинных кедровниках, он идет на продажу.

Связь между юртами в летнее время поддерживается на лодках. Последние выдалбливаются из осины, реже из кедра, и разводятся. При неводьбе употребляют более крупные досчатые лодки, а для поездок в Сургут осенью за товарами иногда служат крытые большие лодки, которых на Агане немного. Кроме того, остяки хорошие ходоки, они часто пользуются тропами, проложенными на среднем и верхнем течении Агана между юртами и сильно сокращающими путь по сравнению с рекой. В песчаных борах тропы удобны для ходьбы. Обыкновенно они совпадают с зимними оленьими дорогами, по которым ездят на нартах. Тогда они довольно широки и вычищены от крупного валежника.

На Агане постоянно живущих русских нет. Туда наезжали еще недавно только мелкие торговцы для скупки пушнины и рыбы и для доставки товаров своим кредиторам — остякам. По приезде в Сургут остяки обыкновенно останавливались у определенных лиц, с которыми привыкли иметь дело. После революции торговые сношения частных лиц с остяками официально прекратились, торговля перешла в руки государственных организаций. Туземцам одно время даже было запрещено останавливаться у частных лиц. Однако, нужда в опытных и знающих местные языки людях заставила использовать прежних торговцев. В 1923 г. значительная часть их служила доверенными различных

кооперативов и государственных торговых организаций. Многие из них занимались в малом масштабе торговлей и для себя, собирая прежние долги с туземцев. Открыто вести торговые операции мешали большие налоги.

На р. Пура, за исключением его низовьев, русские торговцы никогда не ездили. Сношения с пиян-хасово велись только в Сургуте, где они останавливались у определенных лиц. Безоленные и малооленные пиян-хасово имеют дело обыкновенно с Касымкиными и другими зажиточными туземцами, забирающими у них пушнину и завозящими им продукты во время своих кочевок.

Тазовская губа, нижнее течение р. Таза и, вероятно, низовье Пура посещалась русскими еще в XVI — XVII ст., когда на Тазе существовал даже г. Мангазея. Запрещение торговать северным морским путем и разрушение Мангазеи совершенно прекратили эти сношения. Об этом времени у самоедов не сохранилось воспоминаний, и о былом пребывании русских в Тазовском краю свидетельствуют лишь развалины Мангазеи. Снова оседлые русские появились здесь уже в конце XIX ст. с юга. Самоеды, приезжая для торговли в Сургут, рассказывали о рыбных и пушных богатствах низовьев Пура и Таза. Под влиянием этих рассказов тобольский купец Нартымов стал посылать на Таз из с. Тундряна на Оби (в 70 км к западу от Сургута) своего служащего Мамеева для летних промыслов. Оттуда Мамеев привозил большое количество товара (одного островного клея до 20 п.). Лет 70 тому назад он совсем переселился на Таз, где родственники его живут до сих пор. Один из племянников Мамеева женился на самоедке. После его смерти вдова снова вышла замуж за самоеда и стала жить в чуме, захватив с собой сына от первого брака. Последний окончательно осамоедился: женился на самоедке, кочует в чумах и даже по-русски говорит плохо. За недостатком женщин, покупка жён-самоедок русскими случается и в настоящее время. Мы сами были свидетелями этого в 1923 г., когда один из русских служащих Облгосрыбпрома взял в жены самоедку.

Немного позднее Мамеева, по поручению купца Тетюцкого, выехал из Сургута его племянник Тетюцкий, выстроивший в 40 км от устья Пура первую избу. Его сменили затем другие доверенные, из которых Макушин, Чукчев и Шеймян (1901 г.) впоследствии завели самостоятельные дела, купив частью постройки после смерти своих бывших хозяев, частью выстроив сами. Шеймян вначале промышлял в Тазовской губе, севернее Имбура, а затем переселился на место Тетюцкого, где живет до сих пор (Идово-надо на Пуре). Чукчев работал впоследствии преимущественно на рыболовных заведениях Тазовской губы,

Вопросы в отношении...

Вопросы в отношении...

Вопросы в отношении...

Мак ушин поселился в устье Таза. На Тазе в это время уже с 80-х гг. жил Полилов, который приехал туда доверенным Партычева, а затем завел самостоятельное дело. Несколько лет тому назад на Пуре выше избы Шеймина (Тетюцкого) километров на 10 жили еще Буров и политический ссыльный Михайлов. В настоящее время в низовьях Пура и Таза живет немного русских, занимавшихся еще недавно самостоятельными промыслами и мелкой торговлей. После Октябрьской революции торговля их почти прекратилась и главным занятием стали рыбные и отчасти пушные промысла. Многие поступили на службу в Облгосрыбпром в качестве организаторов артелей. Для самостоятельного сетного промысла они обыкновенно нанимают 1—2 рабочих из самоедов, некоторые за половину улова давали в пользование самоедам сети.

Жилища русских разбросаны отдельными усадьбами и просто избами по разным протокам Пура и по низовьям Таза.¹ Их местонахождение приурочено к путям наиболее оживленного передвижения самоедов во время кочевок или к удобным в промысловом отношении местам. В Тазовском крае нет достаточно больших и благоустроенных зданий даже в факториях. В большинстве случаев это маленькие, низкие избы из двух-трех комнат: кухни и чистой половины. Лишь у Полилова изба побольше. Отапливаются избы, кроме русской печи, еще железными. Кроме жилого помещения, часто имеются баня и амбар. У Шеймина построек больше, есть еще хлебопекарня, несколько амбаров и избушка. Постройки факторий барачного типа ветхи, так как Облгосрыбпром до сих пор пользуется старыми помещениями Плотникова и Нижне-Обского Товарищества. Служащие живут в них очень скученно. Зимой у русских часто бывают по делам или в гостях самоеды, до сих пор предпочитающие обращаться со своими нуждами прежде всего к бывшим торговцам, которым большинство из них должны еще с прежних лет. Следует заметить, что все старожилы говорят по-самоедски, тогда как из туземцев лишь немногие могут едва-едва объясняться по-русски.

Усадьба Шеймина стоит на Большом Пуре в 40 км от устья. Километрах в 20 ниже, на Малом Пуре, расположены вместе две избы Кальцова и Горючина. Первый приехал на Пур в 1901 г., а второй позднее. Наконец, на Озерном Пуре живет с 1910 г. Кайдалов. Названные лица, кроме зимних изб, имеют еще и летние, в которых проживают во время неводьбы на песках. Эти промысла обыкновенно

¹ О населении низовьев Пура и Таза см. Н. Н. Шухов. Общий обзор бассейна реки Таза. Ачинск (1915); Л. Н. Доброва-Ядринцева. Туземцы Туруханского края. Новониколаевск (1925).

The first part of the paper is devoted to a general discussion of the problem of the existence of a solution of the system of equations (1) for arbitrary values of the parameters. It is shown that the system has a solution if and only if the matrix of the coefficients is non-singular. The second part of the paper is devoted to the construction of the solution of the system of equations (1) for arbitrary values of the parameters. It is shown that the solution can be expressed in the form of a series in powers of the parameters. The third part of the paper is devoted to the study of the properties of the solution of the system of equations (1) for arbitrary values of the parameters. It is shown that the solution is unique and stable with respect to the initial conditions.

The first part of the paper is devoted to a general discussion of the problem of the existence of a solution of the system of equations (1) for arbitrary values of the parameters. It is shown that the system has a solution if and only if the matrix of the coefficients is non-singular. The second part of the paper is devoted to the construction of the solution of the system of equations (1) for arbitrary values of the parameters. It is shown that the solution can be expressed in the form of a series in powers of the parameters. The third part of the paper is devoted to the study of the properties of the solution of the system of equations (1) for arbitrary values of the parameters. It is shown that the solution is unique and stable with respect to the initial conditions.

The first part of the paper is devoted to a general discussion of the problem of the existence of a solution of the system of equations (1) for arbitrary values of the parameters. It is shown that the system has a solution if and only if the matrix of the coefficients is non-singular. The second part of the paper is devoted to the construction of the solution of the system of equations (1) for arbitrary values of the parameters. It is shown that the solution can be expressed in the form of a series in powers of the parameters. The third part of the paper is devoted to the study of the properties of the solution of the system of equations (1) for arbitrary values of the parameters. It is shown that the solution is unique and stable with respect to the initial conditions.

The first part of the paper is devoted to a general discussion of the problem of the existence of a solution of the system of equations (1) for arbitrary values of the parameters. It is shown that the system has a solution if and only if the matrix of the coefficients is non-singular. The second part of the paper is devoted to the construction of the solution of the system of equations (1) for arbitrary values of the parameters. It is shown that the solution can be expressed in the form of a series in powers of the parameters. The third part of the paper is devoted to the study of the properties of the solution of the system of equations (1) for arbitrary values of the parameters. It is shown that the solution is unique and stable with respect to the initial conditions.

находятся также на Пуре. Горючки осенью промышляет подледными сетями на полуострове Находка в Тазовской губе. Такой же характер имеют поселения и на Тазе, где живет Поллов, километрах в 25 выше устья, и Мамеев — километров на 10 выше него. На среднем течении Таза с давних пор проживает Седелников.

Кроме усадеб названных семей русских промышленников и торговцев, на Пуре и Тазе имеются две торговые фактории — Ивай-сале и Хальмер-седе, а на левом берегу Тазовской губы третья — Имбур-сале. История их возникновения такова. Попытки завести крупную торговлю и использовать естественные пути сообщения на севере Западной Сибири относятся еще к началу 60-х гг., когда Сидоров двукратно посылал в Тазовскую губу и на р. Таз своего доверенного Кушелевского (в 1862 и 1863 гг.).¹ В 1884 г. в Тазовской губе был пароход Функа.² Незадолго до него, в начале 80-х гг., в крупном масштабе поставил рыбный промысел в Тазовской губе Вардропер, который выстроил жилые помещения на Ивай-сале, километрах в 15 выше устья Пура. У него работали артели самоедов-неводчиков, но главным образом он промышлял остра самоловами. Ходило до 50 самоловных лодок. Лет через 10 Вардропер ликвидировал свое предприятие, и брошенные постройки на Ивай-сале были разобраны самоедами на дрова. В конце 1900-х гг. появилась фирма Плотникова, которая восстанавливала Ивай-сале (главная контора) и стала промышлять рыбу, покупая полуневода у самоедов. На Тазе было основано отделение близ Хальмер-седе. Впоследствии было приобретено еще заведение Александрова (бывш. Вардропера) на Имбур-сале. На год раньше Плотникова (в 1908 г.?) в Тазовской губе и в низовьях Таза начало работы Нижне-Обское Товарищество, имевшее контору в Хальмер-седе. Оно не только покупало полуневода у самоедов, успешно конкурируя с Плотниковыми, но пыталось поставить в губе морские промысла. Как Товарищество, так и Плотников скупали в большом количестве пушнину. После Октябрьской революции, предприятия Плотникова и Товарищества со всем инвентарем перешли в руки Облгосрыбпрома, который перевел главную контору в Хальмер-седе, а на Ивай-сале и Имбур-сале оставил отделения. Снабжение товарами, орудиями лова и продуктами питания факторий, как и прежде, совершается раз в год, в начале сентября. Тогда в Тазовскую губу приходит пароход с бар-

¹ Ю. П. Кушелевский. Северный полюс и земля Ялмал. Путевые записки. СПб (1886).

² De Dobbeleer. Eine Reise nach dem Tass-Busen. Globus, XLIX (1886), № 8 — 9.

The first part of the document discusses the general principles of the proposed system. It outlines the objectives and the scope of the project, emphasizing the need for a comprehensive approach to the problem at hand.

The second part of the document provides a detailed description of the proposed system. It includes a list of the main components and their functions, as well as a discussion of the advantages and disadvantages of the system.

The third part of the document discusses the implementation of the proposed system. It outlines the steps that need to be taken to put the system into operation, including the selection of personnel and the allocation of resources.

The fourth part of the document discusses the evaluation of the proposed system. It outlines the methods that will be used to measure the performance of the system and to compare it with the existing system.

The fifth part of the document discusses the conclusion of the project. It summarizes the findings of the study and provides recommendations for further research and development.

ками, привозящий все необходимое и забирающий приготовленные товары. Груз состоит из соленой рыбы, юрка (сушеная рыба) и пушнины. Он подвозится с рыболовных станков в конторы и в губу помощью нефтяных катеров. Наиболее ценная пушнина отправляется обыкновенно оленями на оленях в Обдорск. Осенний промысел дает свежую рыбу в мороженом виде. Ранее она транспортировалась на оленях в Сургут, в 1922 и 1923 гг. сбывалась на месте тундровым самоедам на пушнину. Русские промышленники, ловившие самостоятельно и покупавшие оленеводов, также везли мерзлую рыбу в Сургут, но во время нашего пребывания предпочитали значительную часть ее сдавать в Облгосрыбпром, из-за малюго спроса на нее в Сургуте. Сушеная и соленая рыба всегда сдавалась крупным фирмам на месте.

Доход русскому населению дает не только рыбная ловля, но и скупка пушнины и оленьей одежды у окружающих и приезжих туземцев. Часть этого получается и в счет прежних долгов, частью оплачивается товарами, заработанными в Облгосрыбпроме (участие в артелях, возка муки, дров и пр.) или привезенными из Сургута в обмен на оленью одежду, пушнину, рыбу и др. Служащие факторий обычно привозят с собой наиболее ходкие товары, как, напр., табак, мануфактуру, которые продают на пушнину у самоедов. Вести дело с туземцами, особенно уже познакомившимися с культурой, представляет не малые трудности из-за привычки их забирать в долг товары под промысел и стремления оттягивать уплату долгов. Большинство самоедов берет в кредит товары до тех пор, пока им дают, не заботясь о том, возможно ли будет впоследствии оплатить забранное. Исключение представляют лишь богатые оленеводы, сами дающие в долг бедноте оленей, одежду, продовольствие и пр., но и они часто числятся в долгу у русских, так как самоед представляет себе торговли без кредита, хотя бы он в нем и не нуждался. Вообще, ходячее представление о сильнейшей эксплуатации, которой подвергается самоедское население от русского, и признаком которой якобы служит поголовная задолженность самоедов, не всегда соответствует действительности. Каждый самоед, ведущий дело с русским или со своим более богатым соотечественником, расплачиваясь за прежде полученные и покупая новые товары, тотчас же требует некоторую часть в долг, при чем это иногда делается у нескольких лиц сразу. В свою очередь каждый должник не прочь пустить в оборот имеющийся у него излишек товаров или продуктов. В конце концов, высокая цена, которая ставится за отданные в долг товары, и различные обманы, конечно, окуцают убытки от утраченного, но не так уже редки случаи и разорения менее опытных торговцев. В послереволюционные годы некоторые государ-

ственные торговые организации севера пытались прекратить невыгодную выдачу товаров в долг туземцам, но, насколько нам известно, это до сих пор привело только к тому, что последние предпочитали попрежнему забирать в долг по несравненно более высокой цене у тайных торговцев, не избегая покупок и в государственных организациях. Слух о прекращении отпуска товаров и продовольствия в долг факториями Облгосрыбпрома в 1923—1924 гг. возбудил сильное недовольство среди самоедской бедноты низовьев Нура и Таза, которая испокон веков привыкла жить в счет будущего промысла, накапливая долги при неуловле рыбы. При этом обычная беспечность и лень туземцев привела к тому, что очень многие из них были безнадежными должниками, лишь отдельные, более работающие, едва-едва сводили концы с концами.

Большинство русских старожилов с окончанием подледного промысла и с приходом оленеводов (в начале декабря) отправляются с пушниной и мороженой рыбой в Сургут и Тундрино для торговли. Некоторые пользуются для этого и собственными небольшими стадами оленей (до 100 голов), другие нанимают подводы самоедов. Обыкновенно стремятся понасть пораньше в город, чтобы выгоднее продать свои товары, но вместе с тем стараются не ехать первыми, так как прокладка дороги сильно утомляет оленей. Самоеды в большинстве случаев пользуются уже проложенной русскими дорогой, выходя позже и двигаясь медленнее из-за охоты на белку. Некоторые русские имеют свои дома в Тундрине или Сургуте, где они и проводят часть зимы, выезжая обратно к Тазовской губе в феврале, марте месяце.

В последние годы количество русских близ Тазовской губы все более и более увеличивалось, но революция и гражданская война, вызвавшие падение промыслов, несколько сократили эту прибыль населения, за исключением служащих в факториях. Дальнейшее расширение рыбных промыслов возможно лишь в Тазовской губе, и надо думать, что правильная постановка их снова вызовет прилив русского населения, условия существования которого могут быть улучшены лишь при эксплуатации лесных насаждений выше по Нуру и Тазу.

1874

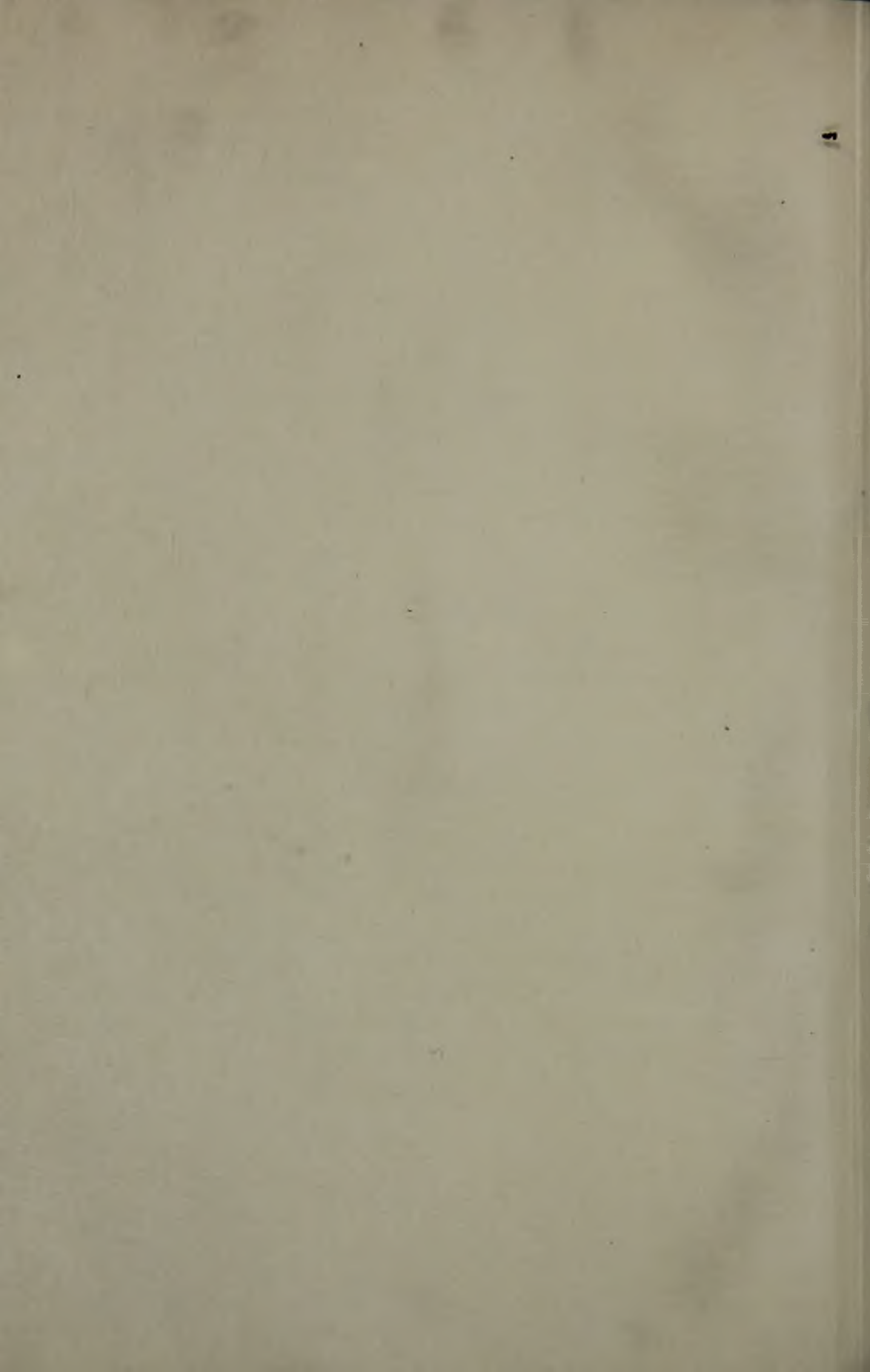
The first of these is the fact that the
country is not a single unit, but is
divided into several distinct regions,
each of which has its own peculiar
characteristics. The most important
of these are the mountainous regions,
the fertile valleys, and the coastal
lands. Each of these regions has
its own special products and
industries, and they are all
interdependent.

The second of these is the fact that
the country is not a single unit, but
is divided into several distinct
regions, each of which has its own
peculiar characteristics. The most
important of these are the
mountainous regions, the fertile
valleys, and the coastal lands.
Each of these regions has its own
special products and industries,
and they are all interdependent.

The third of these is the fact that
the country is not a single unit, but
is divided into several distinct
regions, each of which has its own
peculiar characteristics. The most
important of these are the
mountainous regions, the fertile
valleys, and the coastal lands.
Each of these regions has its own
special products and industries,
and they are all interdependent.

The fourth of these is the fact that
the country is not a single unit, but
is divided into several distinct
regions, each of which has its own
peculiar characteristics. The most
important of these are the
mountainous regions, the fertile
valleys, and the coastal lands.
Each of these regions has its own
special products and industries,
and they are all interdependent.

23,0

X
6

223562004
Окружная библиотека

